

У ИСТОКОВ СКЛОНЕНИЯ

(Материалы к вопросу о происхождении склонения)

Новая Гвинея с некоторыми из прилежащих островов — один из тех уголков земного шара, где сохраняются языки весьма старых формаций, еще не залитые языками формаций более новых. Языки этих мест отнюдь не составляют одной системы: отношения „родства“ между ними прослеживаются только в отдельных случаях. Если их и объединяют, то только по отрицательному признаку, по признаку непринадлежности к индонезийским (малайско-меланезийско-полинезийским) языкам. Их называют папуасскими. Но можно было бы называть их и палеокеанийскими, самым термином указывая на их сходство по положению среди других языков с палеазиатскими языками, тоже остаточными, тоже объединяемыми только по отрицательному признаку.

Пишущий эти строки заинтересовался этими языками в связи с работой по вопросам истории синтактико-морфологических систем в финно-угорских языках. В материалах этих языков, папуасских, он нашел, между прочим, подтверждение некоторым своим соображениям относительно происхождения склонения в финно-угорских языках.

Здесь мы займемся вопросом о возникновении склонения в папуасском языке Насиои. Язык этот распространен в одном уголку внутренней части северо-восточной продольной половины острова Бугенвиль на западе Соломонова архипелага. На острове Бугенвиль есть и другие папуасские языки, в частности Коромира (близкий к Насиои по структуре, а отчасти и по словарю) и Телеи (связуемый с Насиои по структуре, но почти не связуемый с ним по словарю). Языки эти распространены преимущественно во внутренних частях острова. По берегам преобладают меланезийские языки.

Описание языка Насиои (с указаниями о языке Коромира) сделано Rausch'ем¹ в журнале „Anthropos“ VII, 105—134, 585—616, 964—994. То обстоятельство, что он расположен по категориям европейских языков, затрудняет его использование и заставляет рассматривать его как материал сырой.

¹ Rausch работал на Соломоновых о-вах в качестве миссионера до империалистической войны. Дальнейших сведений о Rausch'e не имеется.

1. Предварительные сведения о фонетической системе языка Насиои

Из материалов извлекается следующая картина фонетики языка Насиои.

Слово в языке Насиои состоит чаще всего из многих слогов, реже из двух, совсем редко из одного. Один из слогов слова является носителем силового ударения, которое является т. н. свободным, т. е. не связанным тем или иным последовательно осуществляемым отношением к началу или концу слова. Строение слога весьма простое: согласный (необязательно) и гласный. В качестве неделимых согласных могут выступать согласные, как **nk**, **nt**, **mp** (**n** — заднеязычный носовой). В качестве неделимых гласных могут выступать гласные, как **an**, **on** и т. д. Не невозможно, что это носовые гласные. **an**, **on** и т. д. наблюдаются в исходе слова, но по морфологическим ассоциациям иногда заносятся и в середину слова. Примеры: **k a / r i / k a** „народ“, **n t o / n a / n k a** „реки-то“, **o / v o / r i n**, **o / v o / r i n / e** „вождь“. Следует подчеркнуть, что при построении слова указанное строение слога не нарушается. Примеры: **du / r u / i** „он его вымыл“, **du / r t u / i** → **du / t u / i** „он меня вымыл“, **du / p d u / i** → **du / d u / i** „он тебя вымыл“; **bi / r o / m p u / i** „он его оплакал“, **bi / r o / m p t u / i** → **bi / r o / m u / i** „он меня оплакал“, **bi / r o / m p d u / i** → **bi / r o / n t u / i** „он тебя оплакал“.

Состав согласных в языке Насиои следующий:

—	d (r)	b (v)
k	t (s)	p
—	n	m
nk	nt	mp

d в середине слова (если оно не является результатом упрощения сочетания согласных) заменяется через **r**. Примеры: **o / u / i** „он видел его“, **o / t u / i** „он видел меня“, **o / r u / i** „он видел тебя“ (ср. **du / r u / i** „он вымыл его“, **du / r t u / i** → **du / t u / i** „он вымыл меня“, **du / p d u / i** → **du / d u / i** „он вымыл тебя“); **p a / r o / t e** „одно ухо“ от **pa** „один“ и **d o / t e** „ухо“. Иначе, как в середине слова вместо **d**, **r** не встречается. Таким образом, **r** следует рассматривать как эквивалент **d**.

b в сходных условиях заменяется через **v**. Примеры: **ba / pa / va / pa** „сиденье, скамья“ (удвоенное **ba / pa**, ср. **ba / pa / a / ri** „он сел“), **pa / vi / r e n** „один палец“, от **pa** „один“ и **bi / r e n** „палец“. Другой случай **v** это **v**, возникающее в позиции зияния, между двумя гласными. Пример: **pa / a / i** и **pa / va / i** „они забыли его“. Иначе, как в середине слова вместо **b** или вместо нуля, **v** не встречается. Таким образом, **v** следует рассматривать как эквивалент **b** или нуля.

t в положении перед i приобретает характер свистящей аффрикаты. В некоторых случаях эта свистящая аффриката перед i упрощается в s. Пример; a/tu/i „он поспал“, a/tu/nti „я поспал“, a/ti → a/si „ты поспал“. Иначе, как вместо t перед i, s не встречается. Таким образом s следует рассматривать как эквивалент t.

Особо надо отметить, что глухие ротовые в середине слова в некоторых случаях могут быть заменены через свое соответствие в ряду звонких ротовых: k в середине слова может заменяться через нуль (или, вместо нуля, v), t(s) через d (r), p через b(v). Закономерность не улавливается. По звуковому эффекту явление это близко напоминает чередование ступеней согласных в части финно-угорских языков. Примеры: pa/ro/ke „вместе“ (суффикс ke), pa/n̄ku/vi/ra/e „чисто“ (суффикс e, этимологически тождественный с ke), a/ko/ve „иначе“ (суффикс ve, этимологически тождественный с ke); no/ru/a/tr̄e/tu „мы двое знали“ и no/ru/a/tr̄e/si „мы двое узнали“ при no/ru/a/tr̄i/ri „мы знали“ и no/ru/a/tr̄i/ri „мы узнали“; ро/го „свинья“ и па/во/го „одна“ о свинье.

Состав гласных в языке Насиои следующий:

a	o	u	e	i
aŋ	oŋ	uŋ	eŋ	iŋ

В противоположность согласным, гласные, по крайней мере в верхних пластах языка, обнаруживают весьма мало чередований. aŋ, oŋ и т. д., известные, как указывалось, в основном лишь в исходе слова, чрезвычайно часто упрощаются в a, o и т. д. Пример: o/v̄o/ri/niŋ или o/v̄o/ri/ni „вождь-то“ aŋ после губных согласных может заменяться через oŋ. Пример: a/kaŋ „эти, они“ о семейной группе людей и рядом a/v̄aŋ (где k заменено через нуль и далее v) → a/v̄oŋ в том же значении.

2. Предварительные сведения о синтаксической системе языка Насиои

Из материалов используемых нами в данном случае как сырые, извлекается следующая картина синтаксиса языка Насиои.

Предложение (всегда т. н. простое, часто т. н. простое сугубо-растращенное) слагается как цепь зависимостей между словами. Зависимость между словами бывает двух хорошо выработанных и резко разграниченных типов. В одних случаях перед нами зависимость подчинения. Формально она отмечается строго определенным порядком слов: сначала — подчиненное слово, потом подчиняющее. Пример: bi aŋ keŋ „банановая плантация“ букв. „банан плантация“. В других случаях перед нами зави-

симось параллелизма. Формально она отмечается безразличным порядком слов. Пример: *reta bían* или *bían reta* „спелый банан“, букв. „спелое банан“ или „банан спелое“. Надо впрочем сказать, что зависимость параллелизма очевидным образом на пути к переработке в новый вид зависимости подчинения (с выделением зависимости сочинения). Особенно ярко это движение сказывается в тех случаях, когда слова, связанные между собою на началах параллелизма, содержат определительный („*der, die, das*“) момент, отмечаемый суффиксом *na*. Определительный момент всегда выступает совместно с принадлежностью к той или иной классовой категории — классовой категории мужчины („мужескому роду“), классовой категории женщины („женскому роду“), классовой категории крупного четвероногого, классовой категории плода и т. п. И вот, оказывается, что оба слова, связанные на началах параллелизма, относятся не каждое в свою классовую категорию, а оба в классовую категорию одного из них. Пример: *retanu bíanu* или *bíanu retanu* „спелый банан-то“, букв. „спелое-то банан-то“ или „банан-то спелое-то“, где оба слова относятся в классовую категорию плода. Очевидно, что то слово, которое определяет классовую категорию обоих слов, связанных на началах параллелизма, оказывается некоторым образом подчиняющим. Заметим: на началах параллелизма могут быть связаны не только два слова, но и три и больше.

Зависимость параллелизма играет в языке Насиои особенно важную роль. Она выступает в частности там, где другие языки знают особую зависимость между подлежащим и сказуемым. Для языка Насиои нет подлежащего и сказуемого как особых синтаксических категорий. Так, *reta bían* или *bían reta* может быть переведено одинаково через „спелый банан“ и „банан спел“. В этой обстановке понятен следующий на первый взгляд поразительный факт: предложение в языке Насиои бывает не только односоставным и двусоставным, но и трех- и много составным. Дело тут в том, что на началах параллелизма в языке Насиои могут быть связаны не только два, но и три и больше слов. Для примера возьмем предложение: *to irepañka ogepañka papainañka* (с этим или любым другим порядком слов). Его можно перевести так: „дети-то злы идущие“ (с этим или другим порядком слов). Но его можно перевести и так: „дети-то злые идут“ (с этим или другим порядком слов). Но ни тот, ни другой перевод не будет точен, так как каждый из них ориентирован на двусоставность предложения, а перед нами — трехсоставность.

При таком положении вещей не приходится говорить о настоящем различии имени и глагола. То, что в языке Насиои можно принять за глагол, употребляется одинаково и там, где в других языках налицо сказуемое, и там, где в других языках налицо определение, и т. д. Тому, что можно принять за гла-

гол, свойственно решительно все, что свойственно имени. По существу перед нами не что иное, как особая разновидность имени, имя действателя. Этому ни в какой мере не мешает то, что налицо категории лица и т. д. и времени и т. д. Эти категории лишь отличают имя действателя от всякого иного имени. Чтобы сказанное было яснее, возьмем такой пример: *nip ovoginip rava kanievonti* или *ovoginip rava kanievonti nip*. Это значит: „я вождю-то дом построил“ или „я вождю-то дом построивший“. Более близкий перевод: „Я вождя-то дома строитель-я-уже“ или „вождя дома строитель-я-уже я“. *nip* „я“ и *kanievonti* „строитель-я-уже“ связаны на началах параллелизма и потому могут быть переставлены. *rava* „дома“ и *kanievonti* „строитель-я-уже“ связаны на началах подчинения и потому не могут быть переставлены. *ovoginip* „вождя-то“ и *rava* „дома“ связаны тоже на началах подчинения и потому тоже не могут быть переставлены.

3. Предварительные сведения о морфологической системе языка Насиои

Из материалов извлекается следующая картина морфологии языка Насиои.

Имя вообще варьируется по линии отсутствия или наличия определительного („*der, die das*“) момента и по линии многих десятков классовых категорий¹, классовых категорий мужчины („мужеский род“), женщины („женский род“), крупного четвероногого, мелкого или нечетвероногого животного, дерева вообще, плодового дерева в частности, плода, острого предмета, веревкообразного предмета, карманообразного предмета, бревно-или столбообразного предмета, колодообразного предмета, доскообразного предмета, пустого сверху открытого предмета, пустого сверху закрытого предмета и т. д. В настоящее время наличие определительного момента обычно связано с отнесением слова в ту или иную классовую категорию: есть одно — есть и другое, нет одного — нет и другого. Вполне понятно поэтому, что показатель классовой категории делает чуть ли не излишним употребление показателя определительного момента *na*. Последний нередко отсутствует. Чаще всего впрочем он комбинируется с показателем классовой категории, предшествуя последнему. Пример: *bian* „банан-плод“, „банан-дерево“, *biani* „банан-то-плод“, *bianavari* „банан-то-дерево“. Есть однако следы совершенно иного положения вещей в прошлом. В прошлом классовые категории выступали и вне комбинации с определительным моментом. Легко обнаруживается множество слов, где при отсутствии определительного момента оказывается прирощенным к основе, вошедшим в состав основы показатель классовой

¹ Термин „классовые категории“ укрепился в лингвистике и принят без изменений в новом учении о языке.

категории. Так, множество названий плодов оканчивается на и, показатель классовой категории плода: кареи „картофель“, котеи „сладкий картофель“, баи „плод таро“, рагеи „плод хлебного дерева“, тои „кокосовый орех“ и т. д. К указанному надо добавить, что имя-название родственника, свойственника и т. п. изменяется также по линии лица-числа (3×3) обладателя.

Имя действителя варьируется, как по тем линиям, что и всякое иное имя, так и по некоторым особым линиям. Различается четыре разных „спряжения“. Первое — „спряжение состояния“. Второе — „спряжение безобъектного действия“ (оно служит и „спряжением возвратного действия“). Третье — „спряжение однообъектного действия“, „спряжение действия с прямым объектом“ (оно, с некоторыми вариациями, служит и „спряжением взаимного действия“). Четвертое — „спряжение двухобъектного действия“, „спряжение действия с прямым и косвенным объектами“. Примеры: регатои „(я) проголодался, димари „(я) выкупался“, рава канianti „(я) дом построил“, оворипиу рава канievonti „(я) вождю-то дом построил“. В рамках каждого из четырех „спряжений“ различается весьма большое число „времен“ и „наклонений“, отдельно по утвердительной и отрицательной линиям. Далее, в рамках первого и второго „спряжений“ различаются лица-числа (3×3) субъекта, в рамках третьего „спряжения“ — лица-числа (3×3) субъекта и лица-числа (3×3) прямого объекта и в рамках четвертого „спряжения“ — лица-числа (3×3) субъекта и лица-числа (3×3) косвенного объекта.

4. Классовые категории группы двух предметов

Обращаясь к некоторым классовым категориям, играющим в языке Насиои особо важную роль, начнем с классовых категорий группы двух предметов. Эти классовые категории застигаются нами в состоянии весьма далеко зашедшего разложения, почему Рауш не смог собрать воедино всех отбсющихся к ним явлений, как не смог верно понять их существо (Рауш разбирает относящиеся к ним явления на несколько групп и самую значительную из этих групп трактует как двойственное число).

Что перед нами по происхождению, а в значительной мере и по современному функционированию именно классовые, а не какие-либо иные, например, не числовые категории, совершенно очевидно из имеющегося обильного материала. В языке Насиои можно легко отличить классовую категорию от всякой иной. При наличии определительного момента слово обязательно должно относиться к какой-либо определенной классовой категории. В то же время слово, если это не числительное (последнее находится в особом положении), никак не может относиться сразу к двум классовым категориям. Ясно: если при наличии определительного момента слово оказывается отнесенным к стоящей под вопросом категории на началах исклю-

чения этой категорией любой из бесспорных классовых категорий, то стоящая под вопросом категория не какая иная, как классовая. Именно так обстоит дело с категориями группы двух предметов, насколько они пощажены процессом разложения. Возьмем пример. Говоря *pa va* „дом“, *Na si o i* обозначает этим словом одинаково и один неопределенный дом, и группу двух неопределенных домов, и какую угодно иную группу неопределенных домов. *pa va* стоит вне обозначения количества. Если нужно обозначить количество, можно прибавить к слову *pa va* специальное слово со значением: „один“, „пара“, „множество“ и т. п. Но вот, то же самое слово получает определительный момент. С определительным моментом связывается отнесение слова к той или иной классовой категории. Можно отнести это слово к классовой категории строения. Получается *pa va pa va*. Но можно отнести это слово и к классовой категории группы двух предметов. Тогда его уже нельзя отнести к классовой категории строения. Получается *pa va ga* (в данном случае показатель определительного момента, как часто и в других случаях, опущен). По контрасту со случаями, когда слово относится к классовой категории группы двух предметов, тот случай, когда слово относится к классовой категории строения, функционирует как обозначение только одного дома.

В том, что обозначение группы двух предметов в языке *Na si o i* трактуется как подходящее не под числовую категорию, а под классовые — поскольку последние сохранились от разложения — нет ничего непонятного. В языке *Na si o i*, очевидно, весьма сильно сказывается подход к группе двух предметов как к коллективной единице.

Интересно, что в языке *Na si o i* категории группы двух предметов употребляются, между прочим, тогда, когда реально двух предметов нет, но один предмет можно рассматривать как составленный из двух предметов-частей. Так обстоит дело всегда, когда речь идет о предмете, состоящем из двух неодинаковых частей, — о копье, состоящем из острия и древка, об одежде, сшитой из двух различно скроенных кусков ткани (о набедренной повязке и др.). Соответствующие слова подводятся под одну из двух классовых категорий группы двух предметов. *Pa u s h* для этих слов строит особую классовую категорию „предмета одежды и всего, что сшито“, забывая связать с ними слово *da n k o* „копье“, обнаруживающее тот же самый показатель классовой категории (или, вместо него, показатель классовой категории мужчины: мужчина это — копье, а копье это — мужчина). Так же дело обстоит всегда, когда дело идет о предмете, состоящем из двух одинаковых частей или двух симметричных половин, о листе, пере и т. д. Соответствующие слова подводятся под другую их двух классовых категорий группы двух предметов. *Pa u s h* для этих слов строит особую классовую категорию „листо-или перообразного предмета“.

Показатели рассматриваемых классовых категорий следующие:

	Заднеяз. согл.	Переднеяз. согл.	Губн. согл.
1	ka, (a)	ta, ra	—
2	ke ^[n] , (e ^[n])	—	—

Неясно, какой согласный является первоначальным в показателе первой из этих классовых категорий: **k** ли в чередовании с нулем или **t** в чередовании с **r** (о чередовании согласных см. гл. 1). Как получилось колебание между **k**-вым и **t**-овым показателями, не может составлять загадки: это результат взаимодействия с показателями родственных классовых категорий, классовых категорий группы многих предметов. О последних ниже. Что касается показателя второй из данных классовых категорий, то в нем налицо только **k** в чередовании с нулем. Этимологически этот показатель связан с **ke**-„два“

Нередко, но только тогда, когда речь идет о человеке, показатель первой из рассматриваемых категорий выступает в расширенном виде **pa nka**. Происхождение **pa nka** следующее. В языке Насиои существует классовая категория человека, представленная в числительных „2“ и выше. Числительные, если они только не относятся к системе т. наз. абстрактного счета (т. е. счета, который возникает, когда отсутствует отнесение к той или иной определенной классовой категории), строятся так, что перед показателем классовой категории группы предметов оказывается показатель классовой категории предмета, взятого вне группы. Таким образом в свое время возникло **ke pa nka** „два-то“ о людях, где **ke** — „два“, **pa [n]** — показатель классовой категории человека, а **ka** — показатель классовой категории группы двух предметов. Это **ke pa nka** получило весьма широкое употребление и перебросилось даже в систему абстрактного счета. С другой стороны, оно оказало весьма сильное влияние за пределами числительного. Именно из него-то и извлечено то **panka**, которое мы сейчас объясняем. Следует добавить, что **ke pa nka**, поскольку осталось в системе счета по линии классовой категории человека, для отличия от **ke pa nka**, перебросившегося в систему абстрактного счета, получило „подкрепление“ в виде **ra**, показателя классовой категории группы двух предметов, т. е. преобразовалось в **ke pa nka ra**. Заметим: в **panka** не приняло участия **pa** как показатель определительного момента.

Если показатели рассматриваемых классовых категорий комбинируются с предшествующим *па* как показателем определительного момента, то возникают в одном случае *паа* → *па*, а в другом *пае* 'п' → *пе* 'п'. Эти комбинации впрочем редки: обозначение определительного момента при обозначении классовой категории может опускаться. Первая из этих комбинаций последовательно проводится лишь тогда, когда речь идет о предмете, состоящем из двух неодинаковых частей: *допкапа* „копье-то“, *вагона* „набедренная повязка-то“ и т. п. Вторая из этих комбинаций последовательно проводится лишь тогда, когда речь идет о предмете, состоящем из двух одинаковых частей или двух симметричных половин: *ване* „лист-то“, *ковене* „перо-то“ и т. п.

Картина употребления разных показателей и их разновидностей, если оставить в стороне сейчас указанные комбинации *паа* → *па* и *пае* 'п' → *пе* 'п', следующая.

Числительные со значением „два“. *ка* или *га* (*та*). Примеры: *паге* „1-то“ о камне, *парека* „2-то“ о камнях“, *пава* „1-то“ о строении, *павага* „2-то“ о строениях, *кевин* „1-то“ о веревкообразном предмете, *кивинта* „2-то“ о веревкообразных предметах и т. п.

Местоимения. Обычно *папка* (дело касается человека): *апапка* „эти двое“ *тепапка* „те двое“, *епапка* „те самые двое“, *папапка* „только те самые двое“, *нипапка* „другие двое“, *вапапка* „кто двое“, *агепапка* „которые двое“ и т. п.

Слова-названия родственников, свойственников и т. п. Обычно либо комбинированное *кара*, либо комбинированное *кента* (из *ке* 'п' плюс *та*). Примеры: *ваукокара* „его, ее две матери-то“ (Насиои называют матерью, кроме матери, сестру матери и жену брата отца), *вауранкента* „ее, его две дочери-то“. Простое *ка* только в *вадопрека* „ее, его два внука“.

Прочие слова. *ка* или *га*, а также *папка*. *ка* и *га* употребляются обычно. Примеры: *рогока* „две свиньи-то“, *равага* „два дома-то“. *папка* употребляется только в том случае, если дело касается человека и человек обозначается как обладатель той или иной особенности или носитель того или иного состояния или действия. Примеры: *дапапка* „два последних то (человека)“, *тагепапка* „два слушателя-то“.

В настоящее время семантическое различие обеих рассматриваемых классовых категорий не проводится. Возможны даже такие вещи, как комбинация *кента*, где показатели обеих классовых категорий выступают как однозначущие. Но первоначально семантическое различие существовало. Об этом говорит использование *паа* → *па* при обозначении предмета, состоящего из двух неодинаковых частей, и *пае*'п' → *пе*'п' при обозначении предмета, состоящего из двух одинаковых частей или двух симметричных половин.

5. Классовые категории группы нескольких или многих предметов

Перейдем к классовым категориям группы нескольких или многих предметов. И эти классовые категории застигаются нами в состоянии весьма далеко зашедшего разложения, почему Рауш по отношению к ним не смог выявить настоящего положения вещей (Рауш трактует их как множественное число).

Что перед нами по происхождению, а в значительной мере и по современному функционированию именно классовые, а не какие-либо иные, например, не числовые категории, совершенно очевидно из материала. Основание для признания в данном случае классовых категорий то же, что в случае, рассмотренном в предыдущей главе. Принадлежность к данным категориям исключает принадлежность к другим классовым категориям. Пример: *pa va* „дом“, *pa va pa va* „дом-то“ (классовая категория строения) — *pa va pi* „несколько домов-то“ (классовая категория группы нескольких предметов), *pa va pa nka* „много домов-то“ (классовая категория группы многих предметов).

Показатели рассматриваемых классовых категорий следующие:

	Заднеяз. согл.	Переднеяз. согл.	Губн. согл.
1	ku, (u)	tu, ru	—
2	i'n¹	ri'n¹	pi'n¹
3	ka'n¹, (a'n¹), von	ta'n¹, ra'n¹	po'n¹

Неясно, какой согласный является первоначальным в показателе первой из этих классовых категорий: **k** ли в чередовании с нулем или **t** в чередовании с **r** (о чередованиях согласных см. в 1 главе). Несомненно, что перед нами результат взаимодействия классовых показателей разных категорий. О показателе второй из рассматриваемых классовых категорий надо сказать, что в нем первоначальным является, несомненно, **p**. Обращает на себя внимание, с какой, так сказать, настойчивостью в числительных показателю классовой категории группы двух предметов **ka** противопоставляется показатель классовой категории группы нескольких предметов **pi'n¹**. Пример: *pa ge* „1-то“ о камне, *ke ge ka* „2-то“ о камнях, *be ge ri* „3-то“ о камнях, *ka ge ge ri* „4-то“ о камнях“. Как именно вместо **p** стали появляться другие согласные, могут показать те же числительные. Обращает на себя внимание, что показателю классовой

категории группы двух предметов **га** в числительных противопоставляется показатель классовой категории группы нескольких предметов **ги**. Пример: **па тiки** „1-то“ о пакете, **ке тiкига** „2-то“ о пакетах, **бе тiкиги** „3-то“ о пакетах, **каге тiкиги** „4-то“ о пакетах. Здесь, несомненно, уединоображение консонантизма в пользу **г** и за счет **р**. Неясно, какой согласный является первоначальным в показателе третьей из рассматриваемых классовых категорий, **к** ли в чередовании с нулем (**v**) или **t** в чередовании с **г**. **р** вряд-ли является первоначальным.

Нередко, но только тогда, когда речь идет о человеке, показатель первой из рассматриваемых категорий выступает в расширенном виде **пи**. Происхождение **пи** следующее. Мы уже говорили о классовой категории человека с показателем **па'п'**. Мы видели, что в рамках этой классовой категории сложилось **ке па'п'ка** „2-то“ о людях, откуда извлечено **пап'ка**. Позднее **ке па'п'ка**, поскольку сохранено старое значение, преобразовалось в **ке па'п'кага**. Здесь следует указать, что в рамках той же классовой категории сложилось **бе па'п'и** „3“, **каге па'п'и** „4“, где **бе-** и **каге-** „три“ и „четыре“, **па'п'** — показатель классовой категории человека, а **и** — показатель классовой категории нескольких предметов. Отсюда извлечено то **па'п'и** → **пи**, которое мы сейчас объясняем. Следует добавить, что, под влиянием преобразования **ке па'п'ка** в **ке па'п'кага**, слова **бе па'п'и** и **каге па'п'и** преобразовались в **бе па'п'ига** и **каге па'п'ига**. Заметим: в **пи**, объясняемом сейчас, не приняло участия **па** как показатель определительного момента.

Если показатель рассматриваемых классовых категорий комбинируется с предшествующим **па** как показателем определительного момента, то возникает в одном случае **паи** → **пи**, в другом **паи'п'** → **пи'п'**, в третьем **паа'п'** → **па'п'** или **паво'п'**. **Паи** → **пи**, рассматриваемое сейчас, не следует смешивать с **паи** → **пи**, рассмотренным выше.

Картина употребления разных показателей и их разновидностей следующая.

Числительные. **пи'п'**, редко **и'п'** (если в „2-то“ **ка**), **ги, ги'п'** (если в „2-то“ **га**), также **ту** (если в „2-то“ **та**). Примеры: **паге** „1-то“ о камне, **кегека** „2-то“ о камнях, **бегері** „3-то“ о камнях, **кагегері** „4-то“ о камнях, **павого** „1-то“ о крупном четвероногом, **кевогока** „2-то“ о крупных четвероногих, **бевогоі** „3-то“ о крупных четвероногих, **кагевогоі** „4-то“ о крупных четвероногих, **паве** „1-то“ о дереве, **кевера** „2-то“ о деревьях, **бевегу** „3-то“ о деревьях, **кареверу** „4-то“ о деревьях, **пава** „1-то“ о строении, **кевага** „2-то“ о строениях, **бевари** „3-то“ о строениях, **каревари** „4-то“ о строениях, **пави** „1-то“ о веревкообразном предмете, **кевинта** „2-то“ о веревкообразных предметах, **бевинту** „3-то“ о веревкообразных предметах, **каревинту** „4-то“ о веревкообразных предметах.

Местоимения. Обычно $i'n^1$, а если в дело вступает показатель определительного момента, $ni'n^1$: $ai'n^1$ „эти“, tei „те“, eni „те самые“, pai „только те самые“, $nini$ „другие“, $arei$ „которые“ и т. п. Есть случай $ta'n^1$: $bata$ „кто“ (о многих). Выделяются $ari'n^1$ „эти“ о брачной группе (раньше отнюдь не парной) и $aka'n^1$ или $avo'n^1$ „эти“ о целой семейной группе (раньше весьма многочисленной). $ri'n^1$ и $ka'n^1$, $vo'n^1$ здесь по происхождению показатели из числа рассматриваемых.

Слова-названия родственников, свойственников и т. п. Чаще всего комбинированное $kam'ri$ из $ka'n^1$ и $ri'n^1$. Пример: $ba'ukokam'ri$ „его, ее матери“. Иногда другие комбинации, весьма разнообразные. Пример: $batagain'ka$ „его, ее младшие братья и сестры“ ($i'n^1$ и $ka'n^1$). Из простых показателей встречаются только ku в $beda'mpreku$ „его, ее внуки“, $ri'n^1$ в $ba'ukori$ (при $ba'ukokam'ri$) „его, ее матери“ и $ra'n^1$ в $ba'umagan$ (при $ba'umakam'ri$) „его, ее отцы“, $batagan$ „его, ее сочлены по тотему“, $baa'ikaga$ „его, ее двоюродные братья, сестры“.

Прочие слова. Обычно $ni'n^1$ или комбинированное $pa'ika$ (из $pa'n^1$ и $ka'n^1$). Вместо $pa'ika$ изредка $pavon$ (этимологический эквивалент $pa'n^1$ вне комбинации с $ka'n^1$). $ni'n^1$ употребляется, если дело касается лишь нескольких, но не многих предметов. $pa'ika$ — если дело касается многих предметов. Примеры: $rogopi$ „свиньи-то (несколько)“ и $rogopa'ika$ „свиньи-то (много)“, $ogepi$ „дурные-то (несколько)“ и $ogepa'ika$, $ogepavon$ „дурные-то (много)“. В тех случаях, когда дело касается человека и человек обозначается как обладатель той или иной особенности или носитель того или иного состояния или действия, — в этих случаях употребляется комбинированное $pi'ron$. Примеры: $datapi'ron$ „последние-то (люди)“, $tagepi'ron$ „слушатели-то“.

Интересно, что рассматриваемые три классовых категории проявляют себя не только в случаях, когда налицо определительный момент, но иногда и в случаях, когда определительный момент отсутствует. Явление это надо относить, по всей видимости, за счет упоминавшегося процесса разложения рассматриваемой классовой категории. Несомненно, что у этого явления есть очень далеко в древность уходящие корни: в прошлом классовые категории выступали и вне комбинации с определительным моментом. Но несомненно и другое: удержание в данном случае древнего положения вещей мыслимо лишь при условии, что разложение рассматриваемых категорий началось уже давно, еще до окончательного формирования существующей в настоящее время связанности классовых категорий с определительным моментом. Что собственно слагается в данном случае

на месте разлагающегося, об этом речь будет дальше. Пока же займемся картиной рассматриваемых классовых категорий, если определительный момент отсутствует.

Дело касается только слов-названий человека. В качестве показателей в рассматриваемых классовых категориях выступают ri^{n^1} и комбинированное $nuka^{n^1}$ (ni в этом $nuka^{n^1}$ в своей истории обошлось, конечно, без показателя определительного момента). ri^{n^1} употребляется обычно. Пример: $maikori$ „друзья, товарищи“. $nuka^{n^1}$ употребляется только в том случае, если человек обозначается как обладатель той или иной особенности или носитель того или иного состояния или действия. Примеры: $dapanuka^{n^1}$ „последние (люди)“, $tarepuka^{n^1}$ „слушатели“. В единичных случаях мы встречаем и другие показатели. Примеры: $ovontu$ „водители“ (tu), $totoi$ „дети“ (i^{n^1}), $panton$ „люди, мужчины“, (to^{n^1} , заменившее ta^{n^1} по ассоциации с vo^{n^1} , po^{n^1} , сравни в соседнем языке Коромира $panta^{n^1}$).

В заключение можно попытаться приблизительно установить прежнее семантическое различие между рассматриваемыми тремя классовыми категориями. Это семантическое различие в общем стерто. Но кое-какие данные для суждения о нем все-таки есть. Данные эти следующие. Во-первых, перед нами различие $arip$ „эти“ о брачной группе (раньше отнюдь не парной) и aka^{n^1} „эти“ о целой семейной группе (раньше весьма многочисленной). Во-вторых, перед нами различие образований типа $rogopi$ „свиньи-то (несколько)“ и типа $ropapka$ „свиньи-то (много)“. Эти различия делают несомненным что i^{n^1} -овая классовая категория относилась к меньшей группе предметов, а a^{n^1} -овая к большей. К указанному можно прибавить указание, которое уточняет значение i^{n^1} -овой классовой категории и вместе с тем в известной мере значение a^{n^1} -овой классовой категории, а также освещает значение u -овой классовой категории. Мы уже имели дело с классовой категорией человека, показатель которой — pa^{n^1} . В числительных мы встретили комбинацию этого показателя с показателем классовой категории группы двух предметов ka , именно $pa^{n^1}ka$ ($kepaka^{n^1}$ „2“ $kepaka^{n^1}ga$ „2-то“ о людях). Там же мы встретили комбинацию этого показателя с показателем классовой категории группы нескольких предметов u , именно $pa^{n^1}u$ ($bepa^{n^1}u$, „4“ $bepa^{n^1}uga$ „3-то“ о людях, $ka^{n^1}pa^{n^1}u$, „4“ $ka^{n^1}pa^{n^1}uga$ „4-то“ о людях). Там же есть и комбинация этого показателя с показателем классовой категории группы нескольких предметов i^{n^1} , именно $pa^{n^1}i$. Ныне это $pa^{n^1}i$ используется в весьма точном значении, для обозначения десятка людей. Но это, конечно, новое явление, как ново все в области точного счета, что заходит за рамки первых четырех

чисел. Раньше *paí* имело, конечно, менее точное значение. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что, в то время как *ц*-овая классовая категория была классовой категорией совсем небольшой группы предметов, *i'п'*-овая классовая категория была классовой категорией группы предметов побольше, около десятка, с колебаниями в обе стороны. а *i'п'*-овую классовую категорию в этом случае приходится считать по происхождению классовой категорией группы многих предметов, значительно более десятка.

6. Классовая категория предмета, входящего в группу предметов

Теперь займемся классовой категорией предмета, входящего в тесно связанную группу предметов.

Эта классовая категория, как и раньше рассмотренные, застигается нами в состоянии далеко зашедшего разложения.

Показатель этой классовой категорией следующий:

Заднеяз. согл.	Переднеяз. согя.	Губн. согл.
к о, (о)	—	—

Если этот показатель комбинируется с показателем определительного момента, то возникает *пао* → *по*.

Интересно, что рассматриваемая классовая категория проявляет себя не только в случаях, когда налицо определительный момент, но иногда и в случаях, когда определительный момент отсутствует. Ср. сходное явление, указанные в предшествующей

главе. Дело тут заключается в процессе разложения классовой категории.

При наличии определительного момента мы встречаем *по*. Примеры: *biaí* „банан“, *bia pi* „банан-то (плод) вне отношения к другим бананам“ (классовая категория плода) и рядом *bia po* „банан-то (плод) в грозде бананов“ (рассматриваемая классовая категория), *tupragi* „стрела“, *tupraginagi* „стрела-то вне отношения к другим стрелам“ (классовая категория острого предмета) и рядом *tuprarino* „стрела-то в связке стрел“ (рассматриваемая классовая категория).

При отсутствии определительного момента мы встречаем простое *ко*. Пример: *tavi* „рыба“ и *taviko* „одна рыбина в общей массе рыбы, из общей массы рыбы“ или „некоторое количество рыбы в общей ее массе, из общей ее массы“. Тот же пример в предложении: *tavi ameai* „рыбу дай мне“ и *taviko ameai* „рыбы (чего?) дай мне“.

7. Возникновение числовых категорий

Мы выше видели, что в языке Насиои имеются классовые категории группы двух предметов и классовые категории группы нескольких или многих предметов, но не двойственное число и не множественное число. Тем не менее есть основание думать, что началось движение в направлении создания числовых категорий, пока, правда, едва приметное.

Рассматриваемые классовые категории полностью сохраняют отличительную особенность всех классовых категорий — исключают все прочие классовые категории. Есть, правда, случаи, где дело обстоит как будто иначе. Это случаи, где участвует *ko* (см. гл. 6). Можно сказать так: *nasioi* „Насиои (человек, народ, язык и т. п.)“, *nasioi* „люди Насиои“ — *nasioiriko* „человек из числа людей Насиои“, *nasioirikonanka* „два человека-то из числа людей Насиои“, а также так: *nasioi* „Насиои“, *nasioinuroi* „люди-то Насиои“ — *nasioinuroiko* „человек из числа людей-то Насиои“, *nasioinuroikonanka* „два человека-то из людей-то Насиои“. В таких случаях рассматриваемые классовые категории комбинируются с классовой категорией предмета, входящего в тесно связанную группу предметов. Но это надо относить не за счет *ra* матрицаемых категорий, а за счет категории предмета, входящего в тесно связанную группу предметов, с ее показателем *ko*. О последней речь будет особо.

В чем же обнаруживается движение в направлении создания числовых категорий?

Мы знаем, что отнесение слова к той или иной классовой категории связано, по крайней мере, на современной стадии развития языка Насиои, с наличием определительного момента. Вот этой-то связи по отношению к рассматриваемым классовым категориям частично нет. В главе 5 мы имели случай отметить случаи типа *maikogi* „друзья, товарищи“ и типа *damapukaŋ* „последние (люди)“, *tarepukaŋ* „слушатели“, а также единичные случаи, вроде *ovontu* „вожди“, *totoi* „дети“, *pantoi* „люди, мужчины“.

Во избежание неясностей: числовые категории вообще это одно, а числа в личных местоимениях, а также в образованиях, где приняли участие личные местоимения, это другое. Последние возникают гораздо раньше первых. Так сложилось дело и в языке Насиои. В то время, как числовые категории вообще здесь только-только намечаются, числа в личных местоимениях а также в образованиях, где приняли участие личные местоимения, здесь выработаны давно и полно. Это создает интересные, так сказать, непропорциональности. Пример: *tavi ntonko pamreagata* „рыбы в воде плавают“. *tavi* стоит не только вне числовых, но и вне классовых категорий, вообще вне всяких морфологических категорий. Но *pamreagata*, имя

действителя, в котором приняло участие личное местоимение стоит в 3-м лице множественного числа. По папгеагама можно судить, что *tavi* обозначает не одну рыбу, а много.

8. Возникновение падежных категорий

По Раушу получается так, что падежных категорий в языке Насиои в сущности нет. Рауш ставит лишь один вопрос: как устраивается язык Насиои там, где европейские языки употребляют генитив, номинатив, инструменталис, датив, аккузатив, вокатив? Ответ дается такой: там, где европейские языки употребляют генитив, язык Насиои пользуется целым рядом средств не-падежного порядка; там, где европейские языки употребляют номинатив и инструменталис, язык Насиои нередко пользуется суффиксом *ke* (**e**); там, где европейские языки употребляют датив и аккузатив, язык Насиои ровно ни к каким суффиксам не прибегает (см. пример в гл. 2); а там, где европейские языки употребляют вокатив, язык Насиои нередко пользуется уже упомянутым суффиксом *ke* (**e**). Некоторое внимание тут привлекает только разве суффикс *ke* (**e**).

Между тем падежные категории в языке Насиои, можно сказать, есть. Они выпочковываются из классовых категорий — классовых категорий группы двух предметов и классовой категории предмета, входящего в тесно связанную группу предметов, и этот процесс почти закончен. Правда, состав падежных категорий при этом оказывается совсем не тот, с каким приходится встречаться в европейских языках.

В каких именно случаях приходится говорить о выпочковывании падежной категории, вполне ясно. Если категория такова, что может комбинироваться с любой классовой категорией, то это уже не классовая категория, а какая-нибудь иная. В определенных случаях это падежная категория.

9. Возникновение падежных явлений с показателями *ka* и т. д.

Начнем с падежных явлений, выпочковывающихся из той классовой категории группы двух предметов, которая характеризуется показателями *ka* или *ta* в чередовании с *ga*, а иногда осложненным показателем *paipka* или — при наличии специального обозначения определительного момента — *pa*.

Образования указанной классовой категории в определенных случаях испытали семантический сдвиг, давший эффект локатива (местного падежа) или близкий к нему. В этих случаях мы встречаем показатель *ka* или, чаще, комбинацию показателя *ka*, с показателем *po*, о котором речь будет дальше (*kapo*, *po**ka*, *po**ka**po*). Когда требуется, *ka* или его комбинация с *po* связывается с показателем любой классовой категории. Ясно, что *ka* в таких случаях уже перестает быть показателем классовой категории.

Пример с простым **ка**: *dua boreka deu basiari* „солнце над головой“, ближе — „солнце к голове наверх пришло“, буквально (в первой части) — „солнце—голова - (с ним) пара — наверх пришло“. Тут устанавливается связь солнца с головой как некоей пары. Происхождение показателя **ка** — а он некогда характеризовал классовую категорию группы двух неодинаковых предметов — рассеивает недоумение по поводу неодинаковости предметов, входящих в состав пары. Нет сомнения, что выработка явления началась не со случаев, вроде приведенного в примере, а со случаев, где соединение предметов в паре было более, так сказать, естественное, со случаев, где неодинаковость предметов, была не слишком велика, со случаев вроде „я к отцу пришел“, „я у отца живу“, „туча к солнцу пришла“, „туча у солнца стоит“. К сожалению, материал Рауша не позволяет проследить всю гамму случаев.

Примеры с комбинацией **ка** и **по**: *auŋko domaŋkano poi* „я был перед его дыханием (непосредственно перед ним)“, ближе — „у его дыхания я пребывал“; *ŋkana dutakano ka bakiaui* „на моих глазах он украл“, ближе — „у моих глаз он украл“, *ŋkana rawako dutakano tirama paŋkuviga* „перед моим домом прекрасное открытое место“, ближе — „у глаз моего дома прекрасное открытое место“.

Пример того же рода, но с усложнением в направлении указания различных классовых категорий: *roŋi bakani kau karepaui, uŋkapani kapaŋka, damaukanoni kapaŋka* „у свиньи четыре ноги, спереди-то две, сзади-то две“, ближе — „у свиньи ног четыре, у переда-то две, у зада-то две“; *uŋkapaniko taprapauko rentapkoari* „на передней правой ноге-то рана сделалась“, ближе — „у переда-то правой-то (ноги) рана сделалась“. В первом примере *uŋkapani* и *damaukanoni* идут по классовой категории группы нескольких предметов (ног — не одна) с показателем **ni**. Во втором примере *uŋkapani* идет по классовой категории конечности с показателем **paui** (за которым следует **ko**, которого мы пока не объясняем).

Примеры, где идея связи по месту развивается в направлении идеи принадлежности¹: *dakana daŋko ameai* „твое копье дай“, ближе — „у тебя копье дай“; *dakani daŋko kmeriai* „твои копья дай“, ближе — „у тебя копья дай“. В первом примере *dakana* идет по классовой категории, которая употребляется при обозначении состоящих из двух частей предметов с показателем **pa** (это собственно классовая категория группы двух предметов в особом ответвлении). Во втором примере *dakani* идет по классовой категории группы нескольких предметов (копий — несколько).

¹ Идея принадлежности, собственности возникла лишь на определенной ступени социально-экономического развития.

Развитие идеи связи по месту в направлении идеи принадлежности представлено только в местоимениях: *ika* „мой“, *da ka* „твой“, *baka* „его“ и т. д. В других случаях прибегают к описательным оборотам. Пример: *nika pa kaka ka ti ga ka*, *koto i ga bika pa itaku* „наша речь ясная, Коромира — темная (как лес)“, ближе — „у нас речь ясная, Коромира у них темная (как лес)“ (обратим внимание на „Коромира у них“).

На обозначении времени и т. д. здесь не останавливаемся.

10. Возникновение падежных явлений с показателем *ke* (е)

Перейдем к падежным явлениям, выпочковывающимся из той классовой категории группы двух предметов, которая характеризуется показателем *ke* 'n¹ в чередовании с *e* 'n¹, а при наличии определительного момента показателем *ne* 'n¹.

Образования указанной классовой категории в определенных случаях испытали семантический сдвиг, давший эффект инструменталиса (творительного падежа) или некоторые эффекты, производные от эффекта инструменталиса. В этих случаях мы встречаем показатель *ke* в чередовании с *e*. Когда требуется, *ke* или *e* связывается с показателем любой классовой категории. Ясно, что *ke* или *e* в таких случаях уже не является показателем классовой категории.

Развитие падежных явлений с показателем *ke* или *e* несравненно более значительное, чем развитие вышеописанных падежных явлений с показателем *ka* и т. д.

Примеры, где налицо эффект инструменталиса: *tupra ie toranti* „стрелой я его убил“ буквально (в первой части) — „стрела-(со мною) пара — я его убил“. Тут устанавливается связь меня со стрелой как некоей пары. Связь эта — в одинаково активном (с известной точки зрения) участии в действии, в совместном (с известной точки зрения) действии. Происхождение показателя *ke*, *e* — а *ke* 'n¹, *e* 'n¹ некогда характеризовало классовую категорию группы двух одинаковых предметов — делает вполне понятным, почему именно этот показатель в данном случае используется: в данном случае оттеняется одинаковое (с известной точки зрения) участие в действии.

Другой пример того же рода (с показателем в виде *ke*, а не *e*): *da nko ke kemo i* „копьем он его проколол“, буквально (в первой части) — „копье-(с ним) пара — он его проколол“.

Чрезвычайно интересные эффекты падежных явлений с показателем *ke*, *e*, производные от эффекта инструменталиса.

В свое время люди Насиои представляли себе реального действующего как орудие некоего более высокого деятеля, тотема. В связи с этим возникли случаи, вроде *mo ke ke a ba ga tavu i* „человеком по племени Моко человека по имени Абара убило“

пкана того таikoке detui „мой каноэ другом моим мне подарил“.

Ныне люди Насиои представляют себе реального действующего как действителя. Однако старая конструкция предложения не исчезла. В этой обстановке неизбежно переосмысление этой старой конструкции. *мококе абага тавуи* понимается уже как „человек по имени Моко человека по имени Абага убил“, а *пкана того таikoке detui* понимается уже как „мой каноэ друг мой мне подарил“. Там, где раньше было содержание инструменталиса, ныне оказывается содержание падежа действителя.

На этом дело не останавливается. Эффект падежа действителя становится эффектом номинатива. Перед нами случаи, где падеж с показателем *ке, е* используется в предложениях, где ни о каком действии речи не идет. Примеры: *утапае бага трани батата* „женщина по имени Утана человека по племени Барампану старшая сестра“; *тапан таправа бакорае* „дух хороший Бакора“ (т. е. „Бакора — хороший дух“).

В обращении употребление *ке, е* обычно.

В заключение пример, где *ке, е* комбинируется с показателем классовой категории: *докепи не тагита тамине итиориеiai* „чтобы враги-то не застали врасплох и не убили нас, стойте на страже“ (сложное предложение здесь только в русском переводе — язык Насиои тут обходится комбинацией различных „наклонений“ имен действителя). *докепи* тут составлено из *доке* „враг“, *пи'п'*, классового показателя группы нескольких предметов в комбинации с показателем определительного момента, и *е*.

11. Возникновение падежных явлений с показателями *ко* и т. д.

Обратимся, наконец, к падежным явлениям, выпочковывающимся из классовой категории предмета, входящего в тесно связанную группу предметов. Эта классовая категория характеризуется показателем *ко*, а при наличии специального обозначения определительного момента — *по*.

Образования указанной классовой категории в определенных случаях испытали семантические сдвиги, давшие в одних случаях эффект партитива (падежа части), а в других эффект локатива (местного падежа), как и некоторые производные эффекты. Поскольку дело касается эффекта партитива, мы встречаемся с показателем *ко*. Поскольку же дело касается эффекта локатива, мы встречаемся как с показателем *ко*, так и с показателем *по*.

Когда требуется, **ко** и **по** связываются с показателями любой классовой категории. Ясно, что **ко** и **по** в таких случаях уже не являются показателями классовых категорий.

Развитие падежных явлений с показателем **ко** и **по** чрезвычайно значительно, пожалуй, даже, более значительно, чем развитие падежных явлений с показателем **ке** (**е**), не говоря уже о падежных явлениях с показателями **ка** и т. д.

Примером, где налицо эффект партитива, может служить хотя бы уже приведенный выше в своем месте пример: *taviko a me ai* „рыбы (чего?) дай мне“, сравни *tavi a me ai* „рыбу дай мне“. Дело тут прежде всего в том, что *taviko* означает, как это и полагается для образования, принадлежащего к классовой категории предмета, входящего в тесно связанную группу предметов, „одна рыбина в общей массе рыбы, из общей массы рыбы“ или „некоторое количество рыбы в общей ее массе, из общей ее массы“. Еще пример несколько иного рода: *denaipurokko ba naniŋ dānapoŋiŋ* „из людей Денаъ кто славен?“ В этом примере дело прежде всего в том, что *denaipurokko* означает часть людей, входящих в число *denaipuroŋ*, людей *denai*. Заметим: в этом примере **ко** скомбинировано с показателем классовой категории группы нескольких предметов или многих предметов, с **пуроŋ**.

Примерами, где налицо эффект локатива при показателе **ко** могут служить хотя бы такие: *ravakko otomaŋiŋ* „дома находится он“, *ravakko nani ai* „домой иди“. *ravakko* тут обозначает собственно „предмет (лицо), входящее в состав дома“. *ravakko otomaŋiŋ* в связи с этим значит собственно „(как) предмет (лицо), входящий в состав дома, — пребывает он“, а *ravakko nani ai* — „(как) предмет (лицо), входящий в состав дома, — иди“. Сходно построены другие случаи: *tavi nŋonko* *na prea gata*, *baŋen donako pugeŋenuta* „рыбы в воде плавают, птица в воздухе летает“, *otaŋ nŋako* *banpre ai* „горшок на огонь поставь“ и т. п. Еще пример несколько особого рода: *rogakoniŋ naniŋ roŋi* „в кустах - человек (Buschmann) пришел“. Заметим: в этом примере **ко** скомбинировано с показателем классовой категории мужчины **ниŋ**.

Примерами, где налицо эффект локатива при показателе **по**, могут служить хотя бы такие: *boŋeno nŋon* *raŋkai otoa* „у истока (у головы) река невелика“, *ovorino* *panaprai* „к вождю (имеется в виду дом вождя) пойду я“. Чаще всего **по** комбинируется с **ка**, о котором было сказано в главе 9. Здесь можно повторить уже раз приведенный пример: *rogo* *baŋani* *kaŋ* *kaŋenaŋri*, *ŋogakoniŋ* *kenanŋka*, *danaukanoni* *kenanŋka* „у свиньи четыре ноги, спереди две и сзади две“, ближе — „свиньи ноги четыре, у переда-то две, у зада-то две“. Заметим: в этом примере **капо** скомбинировано в свою очередь

с показателем классовой категории группы нескольких предметов, *ni*.

Эффект локатива имеет самое различное развитие. Примеры, где эффект локатива развивается в направлении эффекта падежа-источника переживания: *oŋaka ŋkoko ŋkaniŋo munte moi* „из-за дурных дел своих я раздражителен“ („в грехах моих я раскаиваюсь“), собственно „у дурных дел моих я раздражителен“; *dodemaŋi ŋkana matoko paŋkaiko* „я радуюсь моему саду большому“, собственно, „я радуюсь у моего сада большого“, *daŋkoko taveresi anaŋkara* „о копье спорили они двое“, собственно „у копья дрались они двое“. Примеры, где эффект локатива развивается в направлении эффекта генитива, падежа принадлежности: *iŋi boŋeko paŋka i* „волосы головы велики“, собственно „волосы на голове велики“, *kutu-kaikoŋi boŋe paŋka i oŋoa* „мышь голова-то невелика“, собственно „у мыши голова невелика“, *paŋa ko paŋa ro kara ŋ- paŋka i* „дома дверь велика“, собственно „у дома дверь велика“ (*ni* и *paŋaŋo* в этих примерах показатели классовых категорий). Развитие эффекта локатива в направлении эффекта генитива впрочем незначительно. Для указания принадлежности обычно прибегают к описательным оборотам, о которых речь шла в главе 9.

Отличается ли тот эффект локатива, который описан сейчас, от того эффекта локатива, который описан в главе 9? Бесспорно: источник этого эффекта в обоих случаях совершенно различный. Бесспорно также: выразитель этого эффекта тоже различен в обоих случаях — в одном *ka*, в другом *ko* или *po*. Но это еще не решает вопроса. Перед нами все-таки бесспорная сближенность эффекта локатива в обоих случаях, выявленная хотя бы комбинированием *ka* и *po* (*kaŋo*, *poŋa*, *po-kaŋo*).

Во избежание недоразумений следует указать, что эффект партитива и локатива при показателе *ko* не следует разделять слишком резко. В конкретных примерах, постоянно ощущается связь между нами. Падежные явления с показателем *ko*, несмотря на две струи развития, все-таки должны трактоваться как охватываемые рамками одной падежной категории.

12. Дополнительные замечания по вопросу о возникновении падежных явлений

Никак нельзя быть уверенным, что указанное выше в главах 9 — 11 исчерпывает процесс выработки падежных явлений, которое наблюдается в языке Насиои. Ростки самых различных явлений падежного порядка, появляющихся на почве классовых категорий, подмечаются на каждом шагу. Но ростки эти не все одинаково развиты и, несомненно, не все обладают одними и

теми же потенциями развития. Сложившейся системы склонения в языке Насиои еще нет. Система склонения в языке Насиои только слагается. Чего следует ожидать в дальнейшем — если язык Насиои будет существовать — неясно. Несомненно однако одно: за пластом падежных явлений, появляющихся на почве классовых категорий, надвигается другой пласт падежных явлений. Язык Насиои уже обзавелся рядом послелогов, по происхождению имен, часто оформленных на основе падежных явлений рассмотренного порядка. Эти послелоги нередко чрезвычайно близки к слиянию с теми именами, к которым относятся. Не без оснований Рауш часто пишет их слитно с именами. Последовательности у него впрочем нет.

13. Немного лингвистической палеонтологии

Мы взяли явления языка Насиои в одном из моментов его развития, переломном. Хотелось бы взять эти явления в исторически более широких рамках.

К сожалению, язык Насиои нам известен доподлинно только в том моменте его развития, в котором мы его взяли, и это чрезвычайно связывает возможность исторически широких построений.

Этимологизация показателей классовых категорий — а без их этимологизации вряд ли возможны исторически широкие построения — дело чрезвычайно опасное.

Нет слов: в отдельных случаях показатели классовых категорий этимологизируются весьма легко. В классовой категории пальца мы находим *viren*, неотделимое от *biren* „палец“, в классовой категории глаза — *ruta*, неотделимые от *duta* „глаз“, в классовой категории уха — *rome*, неотделимое от *dome* „ухо“, в классовой категории пакета — *miku*, неотделимое от *niku* „пакет“, в классовой категории связки — *vito*, неотделимое от *bito* „связка“, в классовой категории корзиночки для еды (из кокосового листа) — *veku*, неотделимое от *reku* „корзиночка для еды“, в классовой категории грозда миндаля — *vigu*, неотделимое от *rigu* „грозд миндаля“, в классовой категории дня (точнее, ночи; Насиои считают время ночами) — *muu*, неотделимое от *tiuu* „ночь“, и т. д. В классовой категории дома, строения мы находим *va*, вряд ли отделимое от *ra va* „дом“ (*va* из *va va*), в классовой категории ночи — *pau*, вряд ли отделимое от *ka u* „нога“ (*pa u* объяснимо как заместитель *au* в силу действия некоторых морфологических ассоциаций) и т. д.

Но в других случаях показатели классовых категорий этимологизируются несравненно труднее. Основная причина трудности в том, что семантика классовой категории постоянно сдвигается по отношению к семантике того слова, которое стало сначала показателем. Иногда сдвиг незначителен. Так, в свое время возникла категория свиньи с показателем

ного, сравни рога „свинья“. Постепенно однако использование этой категории расширилось. Она стала классовой категорией относительно крупного (не менее кошки или собаки) четвероногого животного, и Насиои, не ведая того, считают, например черепах, так: „одна свинья черепах“, „две свиньи черепах“ и т. д. Во избежание неясностей: свинья — основной предмет животноводства у Насиои. В других случаях сдвиг гораздо более значителен. Так, в свое время возникла классовая категория мелкого светлого предмета с показателем *vento*, сравни *bento* „звезда, искра, луч“. Постепенно эта классовая категория расширилась, захватив название таких предметов, как лучина (по сходству с лучом) и далее доска. Но с другой стороны, та же классовая категория сузилась: за ее счет распространилась классовая категория острого (режущего или колющего) предмета, захватив названия таких предметов, как звезда, искра, луч. Категория мелкого светлого предмета оказалась категорией доскообразного предмета. В этой категории доскообразного предмета показатель, как видно, восходит к слову со значением „звезда, искра, луч“. Нелишне указать, что сдвиги в семантике классовых категорий чрезвычайно облегчаются неопределенностью границ каждой из них. В рамках одной и той же классовой категории могут оказываться слова весьма и весьма различной семантики. Так, в классовую категорию острого предмета (зуба, рога, каменного топора, стрелы) попали, по понятной ассоциации с острыми предметами, названия звезды, искры, луча и далее, по понятной ассоциации с последними, — название завезенной европейцами лампы, *lampa*. Рауш не знает, как определить содержание этой классовой категории, и называет ее классовой категорией „für Werkzeuge“, что явно неудачно. Да содержания этой классовой категории никак и не определить, если не подойти к делу исторически.

В громадном большинстве случаев показатели классовых категорий сопротивляются этимологизации. Так обстоит дело и с теми показателями, которые прошли перед нами в предшествующих главах.

Все же мы попытаемся проэтимологизировать на довольно большую историческую глубину один из этих показателей. Это даст нам представление о том, как вообще надо смотреть на историю этих показателей.

В языке Насиои есть две классовых категории с показателем *pi'n* в чередовании с *vi'n*.

Первая — классовая категория веревки, на которую нанизано что-либо, а также самой веревки и веревкообразного предмета вообще, называемая для краткости классовой категорией веревкообразного предмета. Под эту классовую категорию подходят, например, *makutu* „связка раковин-денег“ (*makutu pavin* „связка-то раковин-денег“), *kompro* „веревка“ (*kompro pavin*

„веревка-то“), tokoni „пояс“ (tokonipavin „пояс-то“), mego „тетива“ (megonavin „тетива-то“). Сравни в соседнем языке Коромира kamrii „пояс“ с приросшим к основе классовым показателем. Числительные по данной классовой категории: pavin „1-то“, kevinta „2-то“, bevintu „3-то“, karevintu „4-то“ (о веревках и т. д.)

Вторая — классовая категория палки, на которую нанизан десяток ядер копры (вареной сердцевины кокосового ореха), каждое расколотое на две части, а также десяток ядер копры или десяток кокосовых орехов независимо от палки. Об упомянутой палке, на которую нанизано десять ядер копры, мы имеем следующее указание у С. Collinson'a, Solomon Islands: „Туземцы раскалывают кокосовый орех посередине, вынимают белую мякоть половинками и варят. Сваренные половинки нанизываются на бамбуковые палки. Заявляя скупщику, что он принес сто штук копры, туземец хочет сказать, что он принес десять палок по двадцать половинок кокосовых орехов“. Числительные по данной классовой категории: pavin „1-то“, kevinta „2-то“, bevintu „3-то“, karevintu „4-то“ (о десятках ядер копры, о десятках кокосовых орехов и т. д.).

Нет сомнения, что обе эти классовые категории между собою по происхождению связаны. В материале Рауша разыскивается связывающее их слово pinka „fest“, „крепкий, твердый, плотный, прочный, неподвижный“ и производное отсюда слово pinkaeai „halte es fest“, „(крепко) держи, удерживай“.

Для нас особенно интересна классовая категория десятка ядер копры и т. д. Обратим внимание на два момента: во-первых, в значении данной классовой категории фигурирует „десяток“, а во-вторых, показателем данной классовой категории является *vin* (из *pin*). Эти два момента напоминают нам нечто, о чем мы уже говорили, именно классовую категорию нескольких или многих предметов с $i'n^1$ -овым показателем. Мы в своем месте уже выяснили, во-первых, что эта классовая категория когда-то была классовой категорией группы около десятка предметов, и, во-вторых, что показателем этой классовой категории когда-то было *pin*, откуда, в силу взаимодействия показателей разных классовых категорий, также $i'n^1$, $ri'n^1$, а в комбинации с показателем определительного момента $pi'n^1$ (см. главу 5).

Случайно ли одна классовая категория напоминает нам другую? Нет, ни в каком случае не случайно. Дело в том, что из классовой категории десятка или около того ядер копры путем перенесения ее на обозначения десятка или около того и других предметов, т. е. путем замены конкретного ее характера абстрактным, получилась классовая категория десятка или около того предметов вообще.

То обстоятельство, что во всем этом такое видное участие приняли кокосовые орехи, вполне в порядке вещей. Известно,

какую колоссальную роль играет кокосовый орех да и вся кокосовая пальма в хозяйстве обитателей экваториальной Океании. Кокосовый орех — важнейший предмет пищи. Это питательнейший продукт, который, как говорят (и как показали на опыте некоторые немцы), может обеспечить все нужды человеческого организма в области питания. В то же время кокосовый орех важнейший предмет обменных операций. Соломоновы острова в настоящее время экспортируют почти исключительно копру, экспорт же всего иного сравнительно с экспортом копры ничтожен.

Какой путь развития!

Сначала связка или палка — палка, на которую нанизан десяток или около того ядер копры, а также десяток или около того ядер копры или целых кокосовых орехов.

Потом десяток или около того предметов вообще.

Далее группа нескольких предметов.

Все это в плане классовых категорий.

Из классовой категории группы нескольких предметов ныне возникает уже числовая категория, множественное число.

Весь этот путь развития проделан в границах последних двух с половиной тысяч лет, если верно, что кокосовая пальма распространилась в экваториальной Океании две с половиной тысячи лет тому назад.

14. Выводы

В порядке выводов хочется высказать два соображения.

Совершенно ошибочна обычно практикуемая мысль, будто явления склонения возникают непременно на пустом месте: сначала-мол не было ничего, а потом вследствие сращения имен со словами, получившими роль обслуживающих эти имена, получились явления склонения. Бывает и так, что явления склонения возникают совсем не на пустом месте, а на месте явлений иного порядка. То, что не было явлениями склонения, получает значение явлений склонения в силу семантических сдвигов. Так обстоит дело в языке Насиои. Здесь явления склонения возникают на месте явлений более ранней стадии развития, на месте явлений классификации. И вряд ли дело ограничивается одним языком Насиои да его соседом языком Коромира, в отношении структуры к нему чрезвычайно близким. Во всяком случае, в финно-угорских языках прощупывается не-падежный субстрат старейших падежных явлений. Классификационный ли это субстрат или словопроизводственный, судить пока трудно. Отдельные моменты того же порядка прощупываются и в индо-европейских языках. По отношению к индо-европейским языкам исследование в этом направлении однако малоблагодарно, так как эти языки отдалились от истоков склонения чрезвычайно.

В то же время ошибочна часто практикуемая мысль, будто явления склонения первоначально имеют непременно локативный

характер. Язык Насиои показывает, что это — увлечение. В этом языке явления локативного характера, бесспорно, есть, но они занимают не больше половины всей области явлений склонения. Падежные образования на **ка** и т. д. обозначают в основном место. Падежные образования на **ке** (**е**) обозначают орудие или средство и т. д. Наконец, падежные образования на **ко**, **по** обозначают, с одной стороны, частичное участие предмета в действии, а с другой стороны, место, причем оба значения одинаково стары и с самого своего возникновения связаны между собою. Последние падежные образования, образования на **ко**, особенно интересны.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. О. М. Фрейденберг — К семантике фольклорных собственных имен. „Makkus“ и „Maria“	3
2. И. М. Троцкий — Из истории античного языкознания	21
3. Д. В. Бубрих — У истоков склонения	39
4. Б. А. Ларин — Парижский словарь русского языка 1586 года	65
5. Р. О. Шор — Из инструментально - фонетических наблюдений	91
6. А. А. Сатыбалов — К вопросу о личной ономастике у кумыков	95
7. С. Джикия — Евлия Челеби о мингрельском и грузинском языках	109
8. Л. В. Щерба — Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. „Сосна“ Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом	129

SOMMAIRE

	Pages
1. O. M. Freudenberg — Sur la sémantique des noms propres dans le folklore „Makkus“ et „Maria“	3
2. I. M. Trotski — Contributions à l'histoire de la linguistique dans l'antiquité classique	21
3. D. V. Boubrikh — Sur les origines de la déclinaison	39
4. B. A. Larine — Dictionnaire Moscovite de la Bibliothèque Nationale à Paris, daté de 1586	65
5. R. O. Chor — Quelques notes de la phonétique instrumentale	91
6. A. A. Satybalov — Sur les noms de personnes chez les Koumyks	95
7. S. Dchikia — Les remarques d'Evlija Tchelebi sur le mingrélien et le géorgien	109
8. L. V. Ščerba — Essais de l'interprétation linguistique des poésies. II. Comparaison de la poésie de Lermontov „Sosna“ avec son prototype allemand	129

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ,
ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ (ЛИФЛИ)

С О В Е Т С К О Е Я З Ы К О З Н А Н И Е

Т О М В Т О Р О Й

И З Д А Н И Е
ЛЕНИНГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАД 1936